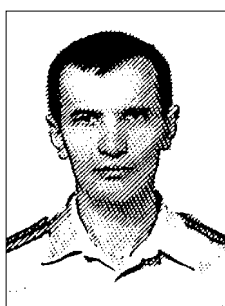

«ЗАЖИГАЙТЕ СЕРДЦА!»

Григорий Саввич Сковорода (1722–1794) – великий украинский философ и просветитель, выдающийся поэт; всю жизнь странствовал, но не принимал подаяний, а сам раздавал богатства мысли и знаний; постоянного места жительства не имел, считая себя пришельцем на земле. Своими произведениями и всей своей жизнью Сковорода создал тип мыслителя, живущего по указам своего сердца. «О сердце, бездна всех вод и небес ширшая! Сколь ты глубока! Всё объёмлешь и содержишь, а тебя ничто не вмещает».

Всяк есть тем, чие сердце в нём.

Сковорода

Анатолий Лебедеико,
аспирант
Московского
городского
педагогического
университета,
ректор Народного
университета
культуры
Черноморского
флота РФ,
капитан 2-го ранга

Мудрец и странник, он много терпел от человеческого невежества, суть которого — грубость, несправедливость, непонимание, наговоры, подлость, предательство. Путь страданий плоти и сердца привёл его к выводу: «Когда дух человека весёлый, мысли спокойные, сердце мирное — то всё светло, счастливо, блаженно. Это есть философия».

Этот отшельник, подвижник истины, всю жизнь скитался и всюду к нему шли люди, потому что видели в нём Учителя. Он учил искусству Мудрой Жизни. Не занимая никаких постов, он был так знаменит, что ещё в XVIII веке была составлена и опубликована его биография — «Житие Сковороды».

Родители Григория Саввича были из простолюдов: отец казак, мать такого же рода. Они имели состояние «мещанское посредственно-достаточное». Григорий родился 3 декабря 1722 года в селе Чернухи Лубенского полка на Полтавщине. Путь, по которому человек выдвигается из неизвестности, из обычной рутины жизни, довольно причудлив. С детства Григорий проявлял большую набожность, пел в церковном хоре. В возрасте 12 лет поступил учиться в Киевскую академию. Учился увлечённо и по успеваемости и талантам превосходил своих сверстников. С юношей Сковородой случилось вот что: он хорошо пел и по воле судьбы попал в придворную певческую капеллу при дворе императрицы Елизаветы. Высоко был оценен певческий талант юноши — с конца 1741 по сентябрь 1744 года он входил в придворную капеллу. В 1744 году Сковорода возвращается из Санкт-Петербурга, получив при отставке чин придворного уставщика. В Киеве он возобновляет прерванное обучение, однако круг преподаваемых там наук показался ему узким, и Григорий Саввич предпринимает поездку за границу, находясь в свите генерал-майора Вишневого.

Сковорода исходил пешком Венгрию, немецкие земли, слушал лекции в нескольких университетах. Он знал латынь, греческий, древнееврейский, немецкий и, бродя по чужим землям, много видел и много читал. Позже он напишет: «Если наш век или страна имеет мудрых мужей гораздо менее, нежели в других веках или сторонах», то виною тому вот что: мы «шатаемся по бесчисленным и разнородным книг стадам без меры, без разбора, без гавани». Сам Сковорода знал «меру, разбор и гавань»: он читал Платона, Аристотеля, Демосфена, Виргилия, Горация, Цицерона, изучал труды учёных Нового времени — Декарта, Спинозы, Лейбница, Коперника и Ньютона. Вернулся на родину «наполнен учёностью, сведениями и знаниями...»

По возвращении в Россию Сковорода в 1750–1751 гг. преподавал в Переяславской семинарии. В 1755 году совершил поездку в Москву и Троице-Сергиеву лавру. Послед-

ние годы жизни его прошли в странствиях, которые способствовали более глубокому пониманию жизни, совершенствованию знаний.

Сковорода бежал от славы, а она догоняла его. Молва за Сковородой ходила всякая: добрая — о его большой учёности и прекрасном сердце и худая — что он еретик. «Многие хулили его, некоторые хвалили, все хотели видеть его», — писал биограф и друг его М.И. Ковалинский.

Один из первых его биографов — Гесде Кальве — пишет: «В крайней бедности переходил Сковорода по Украине из одного дома в другой, учил детей примерам непорочной жизни и зрелым наставлениям. Одежду его составляли серая свита; пищу — самое грубое кушанье. К женскому полу не имел склонности; всякую неприятность сносил с великим равнодушием. Проживши несколько времени в одном доме, где всегда ночевал в саду под кустарником, а зимой в конюшне..., пускался дальше. Никто, во всякое время года, не видел его иначе, как пешим».

Другой биограф, Срезневский:

«Он мог бы составить себе подарками большое состояние. Но что ему ни предлагали, сколько ни просили, он всегда отказывался, говоря: «Дайте неимущему», а сам довольствовался только серой свитой».

Видя главный смысл жизни в самосовершенствовании, в слиянии с Богом, Сковорода в то же время не требует, чтобы все люди шли этим путём. «Главная цель человеческой жизни — дух человека, мысли, сердце. Каждый имеет свою цель в жизни. Но не каждый имеет главную, основную цель, то есть не каждый заботится о *голове* жизни. Одни заботятся о своём чреве... Кто-то заботится об одежде, вещах. Философия является любовью к мудрости, она направляет всё к тому, чтобы дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свет мыслям». «Философия, поселившись в сердце Сковороды, дала ему счастливое состояние. Свободный от всяких пут, суеты, забот, он счи-

тал все свои желания исполненными в связи с их незначительностью».

«Зажигайте сердца!» — суть философской и педагогической мысли Сковороды.

Если проследить движение педагогической мысли, то увидим, что веками борьба идёт вокруг одного и того же вопроса: можно ли полагаться на собственные силы ученика и если можно, то в какой степени? Иными словами: учить или натаскивать? Сковорода считал: просвещать, и притом всех. «Знание не должно узить своего изливания на одних жрецов науки, которые жрут и пресыщаются, но должно переходить на весь народ, войти в народ и водвориться в сердце и душе всех тех, кои имеют правду осознать: и я человек, и мне что человеческое, то не чуждо!»

В своей педагогике в 50-е годы XVIII века, т.е. до Руссо, он проповедовал принцип возврата к природе. Первый в Европе он осудил искусственное разделение, которое французское Просвещение внесло в отношения природы и искусства. «Не мешай только ей (природе), а если можешь, отвращай препятствия и будто дорогу ей очищай: воистину сама она чисто и удачно совершит... Яблони не учи родить яблока, уже сама натура её научила... Учитель и врач несть учитель и врач, а только служателю природы единственные и истинные и врачевницы и учительницы». Но что есть природа в человеке? Это его сердце. Сковорода высказывает мысль о необходимости воспитания ребёнка ещё до его телесного рождения, а также о том, чтобы развивать детей в направлении «цельности духа», о вреде слишком раннего начала изучения наук, о первоначальном воспитании чувств.

«Доколе положу советы в душе моей, болезни в сердце моём». Глава в человеке всему — сердце человеческое. Оно-то есть самый точный в человеке человек, а прочее всё околица, как учит Иеремия: «Глубоко сердце человеку (паче всех) и человек есть, и кто познает его?» Внемли, пожалуй, глубоко сердце — человек есть... А что ж есть сердце, если не душа? Что есть душа, если не бездонная мыслей бездна? Что

Григорий
Сковорода

есть мысль, если не корень, семя и зерно всей нашей крайней плоти, крови, кожи и прочей наружности? Видишь, что человек, мир сердечный погубивший, погубил свою главу и свой корень...».

Почти тридцать лет ходил он по хатам и торжищам в своей серой свите и всюду проповедовал: «Не любит сердце, не видя красоты!»

Сердце, в толковании этого мыслителя, являет собой орган тела во вторую очередь, а в первую — специфичное, невыразимое словами средоточие души и ядро человеческой сущности. Всё имеет в сердце свою сущность; сердце — это глубина, которая всё в себя включает. Внешнее в человеке есть, таким образом, лишь маска, прикрывающая духовную сущность человека. Как духовная субстанция сердце — основа бытия и источник жизни, волевой центр всех творческих порывов личности. Но не только человек имеет сердце, оно дано и человеческому роду. И даже природные вещи и процессы также имеют свои сердца. Исходя из этого, весь мир осмысливается как многогранная мозаика биения сердец. В ней каждое сердце имеет свой ритм, движение, пространство и время, но при этом оно определённым образом связано со всеми сердцами Сущего в Единое всемирное Сердце.

В его теории существуют три мира. Один огромный, бесконечный — макрокосм. Другой беспредельный, человеческий — микрокосм. И третий, символический — Библия. Символы Библии, по словам А.Ф. Лосева, «открывают в нашем грубом практическом разуме второй разум, тонкий, созерцательный, окрылённый, глядящий чистым и светлым оком голубицы. Библия поэтому — вечно зеленеющее плодоносящее дерево. И плоды этого дерева — тайно образующие символы».

Чему учит Библия, это символическое и антропологическое самопознание? Прежде всего она учит тому, что в человеке два сердца, смертное и вечное, грубое и тонкое. Человек, проникающий в глубины этой двойственной природы и охваченный стремлением узреть свою истинную идею Бога, ощущает всю силу Божьего Слова.

«Друг. ... Слово Божие, советы и мысли Его — сей есть план, по всему материалу во Вселенной не чувствительно простёршийся, всё содержащий и исполняющий. Сия есть глубина богатства и премудрости его. И что может обширнее разлиться, как мысли? О сердце, бездна всех вод и небес ширшая!..

Клеона. Правду сказать, помню слово Иеремиино сие: «Глубоко сердце человека, паче всех, и человек есть»...

Друг. Праведно требуешь, для того что Бог от нас ни молитв, ни жертв принять не может, если мы его не узнали. Люби Его и приближайся к нему всегда, сердцем и познанием приближайся, не внешними ногами и устами. Сердце твоё есть голова внешностей твоих. А когда голова, то сам ты есть твоё сердце. Но если не приблизишься и не сопряжёшься с тем, кто есть твоей голове *головой*, то останешься мёртвой тенью и трупом. Если есть тело над твоим телом, тогда есть голова над *головой* и выше старого новое сердце».

ЗОЛОТОЕ ПЕРО

Что смешного в слове «ПУШКИН»?

Владимир Войнович,
прозаик, поэт, драматург.
Автор романа «Приключения солдата Ивана Чонкина».
Переводился на все основные европейские языки. Лауреат многих литературных премий.

Это было в Америке лет двадцать назад. Тёплым апрельским днём ехал я на своей «Тойоте» в один из штатов Среднего Запада, чтобы выступить с лекцией в тамошнем университете. Погода была хорошая, я не опаздывал и не спешил. Казалось бы, о чём волноваться? Столько раз выступал в больших и малых аудиториях! Но данный случай отличался от предыдущих: впервые я решил употребить в дело своё знание английского языка. Прожив какое-то время в Америке, я сносно изъяснялся в магазинах и на улице, но выступать перед студентами до сих пор не решался.

Конечно, я изрядно потруился, написал всю речь на бумаге. Назвал её «Писатель в советском обществе», выучил наизусть и проверил на жене и дочери. Но чем ближе был пункт моего назначения, тем больше я волновался. Как выступать? По бумажке плохо, без бумажки страшно. Вдруг что-то забуду. А если будут задавать вопросы?

Полный сомнений, въехал я в кампус, нашёл нужное здание и у входа в него увидел большую афишу со своей фамилией. Текст, написанный крупными буквами, извещал студентов и преподавателей, что такого-то числа выступит известный (и другие лестные эпитеты) русский писатель-сатирик. А дальше сочинитель афиши написал буквально следующее: **«О чём он будет говорить, я не знаю, но ручаюсь, что будет очень смешно».**

Я не на шутку перепугался. Я никого не собирался смешить! Я подготовил серьёзное выступление на серьёзную тему.

Первый импульс у меня был немедля повернуть назад. Поддавшись второму импульсу, я сорвал со стены объявление и вошёл в зал. Он был переполнен, что выглядело весьма необычно. Каждый писатель-эмигрант, выступающий с лекциями в амери-

канских университетах, принимает как должное, что его аудиторией бывает маленькая комната, а в ней пять-шесть студентов и пара преподавателей славистики. А тут студенты сидят на подоконниках, стоят в проходах. Ещё бы — ведь им пообещали, что будет смешно и даже очень!

В ярости я вбежал на трибуну, поднял над головой сорванную афишу и спросил: какой умник написал это глупое объявление? В зале наступила тишина, затем пронёсся весёлый гул: публика поняла, что смешное уже начинается. Это меня и пугало. Сейчас они услышат не то, что ожидали, и начнут покидать зал. Я повторил свой вопрос. Какой умник написал эту глупость? В первом ряду встал худощавый человек лет сорока пяти и печально сказал: я, профессор Браун, тот умник, который написал эту глупость. В зале засмеялись. Я немного смутился: профессор Браун как раз и пригласил меня сюда, и мне не хотелось его обижать. Извините, господин Браун, сказал я, мне казалось, что такое мог написать студент первого курса, но никак не профессор. Публика ответила на мою нечаянную колкость взрывом смеха. Я подождал, пока смех утихнет, и стал объяснять, что произошло недоумение: вам обещали, что я вас буду смешить, но я этого делать не собираюсь. Поэтому, если кому-нибудь из вас хочется повеселиться, пойдите в цирк: там клоуны ходят в больших ботинках, корчат рожи и дают друг другу пинка под зад — это смешно, правда? Публика смехом подтвердила, что, правда, смешно.

Прямо передо мной сидела парочка, студент и студентка. Пока я говорил, он показывал на меня пальцем и толкал её локтем в бок, а она толкала его и хихикала.

— У меня, — продолжал я, — нет ни малейшего желания вас смешить. Тема моей лекции — «Писатель в советском обществе». Советское общество, это... Я не понимаю, чему вы смеётесь. Какое из произнесённых мною слов кажется вам смешным? «Общество» — это очень смешное слово?

В зале уже стоял хохот. Профессор Браун смеялся сдержанно и довольно: его обещание сбывалось. Толстый студент хохотал, обхватив руками живот, его соседка повизгивала, как поросёнок. Кажется, веселились все, кроме двух охранников, которые зачем-то стояли у двери с видом суровым и неприступным, дающим понять, что они здесь несут службу, а не развлекаются.

Я глянул на часы. Уже прошло пятнадцать минут, а я ещё не начал старательно приготовленную лекцию. Придётся её на ходу подсократить.

Я выдержал длинную паузу и попытался подействовать на слушателей своей рассудительностью.

Человек в сердце своём должен найти последний критерий, основание познания и жизни. Больше их нигде искать.

«Клеона. Я, без сомнения, понимаю, что все внешние наши члены закрытое существо своё в сердце имеют так, как пшеничная солома содержится в своём зерне. Она, иссохши и издыхавши, то закрывается при согнитии в зерне, то опять наружу в зелёности выходит и не умирает, но обновляется и будто переменяет одеяние. Но понеже на всех без исключения людях видим внешние члены, которые свидетельствуют и о зерне своём, т.е. что всяк из них имеет и сердце, которое (как пророк Божий учит) точный есть человек и истинный, а сие есть великое дело, так что се будет? Всем ли быть истинным человеком? И какая разница меж добрым мужем и злым?..

Друг. Весьма тот редок, кто сохранил сердце своё или, как вообще говорят, спас душу свою. А так учил нас Иеремия, и ему веруем, что истинный человек есть сердце в человеке, глубокое же сердце и одному только Богу познаваемое не иное что есть, как мыслей наших неограниченная бездна, просто сказать, душа, т. е. истое существо, и сущая иста, и самая эссенция (как говорят), и зерно наше, и сила, в которой единственно состоит жизнь и живот наш, а без неё мёртвая тень мы, то и видно, сколь несравненная тщета потерять себя самого, хотя бы кто завладел всеми коперниковыми мирами... Брось тень; спеши к истине. Оставь физические сказки беззубым младенцам». В противовес рационализму XVIII века Сковорода выдвигает свой антропологизм, своё учение о сердце. Продолжая линию великих отцов христианства, он мечтает создать особую, общую и универсальную науку о сердце, которая должна повести людей к счастью и заложить основание как теоретической, так и практической философии».

Конечно, призвать надо сердце, ибо сердце чувствует и знает больше, чем мозг. Допущение мысли в сознание открывает явлению вход и подготавливает почву для его манифестации. Преддверие, явленное мыслью, этим чрезвычайно значительно. Допустив в сознание возможность явлений того или иного порядка, допускается этим и само явление, создавая этим для него условия, ему благоприятствующие. Это просто удивительно, но именно Сковорода упоминает о экологии мысли, ведь следствие её — качество сердца. Человек есть то, о чём он думает.

«Друг. Послушай меня, погубившие сердце, сущие далече от правды.

Клеона. Ах, мы сему веруем. Но как они потеряли? Ведь и у них мысли также плодятся и разливаются. Чего они себе не воображают? Чего не обнимают? Целый мир их вместить не может. Ничего им не хватает. Одно за другим пожирают, глотают и не насыщаются. Так не бездонная ли бездна сердце их? Ты сказал, что сердце, мысли и душа — всё то одно. Как же они потерялись?

Друг. Чего достигнуть не можем, не испытываем. Понудить себя должно и дать место в сердце нашем помянутому Божию

слову. Если его благодать повеет на нас, тогда всё нам простым и прямым покажется. Часто мелочей не разумеем самых мелких. А человек есть маленький мирок, и так трудно силу его узнать, как тяжело во всемирной машине начало сыскать; затверделое нечувствие и привыкший вкус причина есть нашей бедности. Раскладывая перед слепцом всё, что хочешь и сколько хочешь, но всё то для него пустое. Он ощупать может, а без прикосновения ничего не понимает...»

Философия сердца Сковороды — поиск оснований нравственного сознания. Важнейшими элементами этики философа являются взаимосвязанные человеческие качества: самопознание и добродетель.

Он требует: «Не суди по лицу ничего, никого, ни себе»; о человеке и о себе необходимо делать выводы не по внешним признакам, а по внутренней сути, по его сердцу, мыслям, намерениям, делам и результатам деятельности.

«Добры плоды», говорит Сковорода, результат «благих дел»; корень «благим делам» находится в самой природе человека: «природа благая есть всему начало и без нея ничто не бысть». «Природу» человека он видел в человеческом «сердце» и «мыслях». «Благая природа» — результат «благого сердца», «благое сердце» — результат «благих мыслей», «благие мысли» — «семя благих дел; всё же «прочее человеческое: чин, богатство, науки, и все ветроносные их блонды и пукли с кудрями вменяю во хвост, без коего голова и живёт, и чтится, и веселится, но не хвост без головы». Движущую силу деятельности людей Сковорода искал в мыслях человека; это она «тайная в телесной нашей машине пружина, глава и начало всего движения ея».

Основа нравственного поведения человека, его духовных порывов и разумного человеческого общежития в «истине», «правде» и «добродетели»: «Хочешь ли быть царём? На что же тебе елей, венец, скиптр, гвардия? Сия есть тень и маска. Достань же себе свыше сердце царское... Дух правды, он-то есть сердце царёво... И что сильнее ея? Кто, яко правда? Сей есть истинный царь и господь... Сей дух да царствует в тебе!.. На вот тебе царя без маски».

Обладатель царских чертогов, златотканой одежды, золота и серебра — это ложный человек. Обращаясь к простому народу, он говорил: «Сыне, храни сердце твоё... Сыне! Не зрирай на то, что твоё телишко есть убогая хижинка и что плоть твоя есть плётка и тканка простонародная, портище подлое, слабое и нечистое... В хижине той и под убогою тою одеждою найдёшь там царя твоего, отца твоего, дом твой, ковчег его, кифу, гавань, Петру и спасение твоё. Не будь царём, а имей сердце царское, ибо правда — это «царь без маски».

Друг Сковороды — М.И. Ковалинский — сказал о нём: он был набожен, но не суеверен; учён, но не кичился учёностью; ходителен, но без лести.

Ковалинский описывает и смерть Сковороды — в духе житий святых. Вечером Сковорода спокойно работал в саду, потом сказал

Мне кажется, сказал я, вы ложно настроились. Вы решили, что я сатирик и поэтому должен говорить смешно. Но сатира сатире рознь. Есть шутники, которых называют сатириками, они выходят на эстраду и рассказывают какую-то глупость. Например, как холостой мужчина увидел объявление, что продаётся машинка, заменяющая женщину. Купил, принёс домой, но оказалось, что это машинка для пришивания пуговиц. Смешно? Ну, посмейтесь, а я подожду. Вы меня принимаете за какого-то эстрадника. Но я предпочитаю другую сатиру, в которой юмор горький, а смех сквозь слёзы. Понимаете?

Конечно, они поняли. Только наоборот: у них были слёзы сквозь смех. Соседка толстого студента просто рыдала сквозь хохот. Да и он тряс головой и смахивал слезу рукавом.

— Пушкин... — сказал я и сделал паузу.

Я до сих пор не понимаю, что смешного они нашли в слове «Пушкин», но и оно было встречено приступом смеха.

— Пушкин... — повторил я и в отчаянии умолк.

Когда они кое-как успокоились, я им быстро, не давая опомниться, сообщил, что Пушкин, читая «Мёртвые души», смеялся не хуже их, а прочтя, сказал: «Боже, как грустна наша Россия». А сам Гоголь свою смешнейшую повесть закончил словами: «Скучно на этом свете, господа». Чтобы передать публике испытанное Гоголем чувство, я произнёс последнюю фразу таким жалким голосом, что все опять залились хохотом. Профессор Браун, пытаясь сдержаться, хватался за затылок, который, видимо, уже ломило от смеха. Толстый студент падал на соседку и корчился в конвульсиях, соседка отталкивала его и сама верещала, как милицейский свисток. В середине зала кто-то свалился со стула. Один из охранников не выдержал и тоже начал смеяться, хлопая себя по ляжкам. Зато другой был по-прежнему суров и неподвижен, как изваяние.

Стоит ли говорить, чем было встречено моё утверждение, что настоящие сатирики вообще очень невесёлые люди. Гоголь был меланхоликом. Очень мрачным человеком был Михаил Зощенко.

— А вы? — спросил меня с места профессор Браун.

Я ещё не успел ответить, а зал уже покотился со смеху.

— Но я всё-таки хочу рассказать вам о том, что представляет собой советское общество и какую роль в нём играет советский писатель...

Я попытался объяснить, что Советский Союз тоталитарное государство, которым управляет единственная политическая партия. Надеюсь всё же пере-

ломить настроение публики, я перешёл к совсем грустной теме и стал рассказывать о борьбе за права человека, репрессиях, но стоило мне произнести слова КГБ, ГУЛАГ, психбольница, они заливались дружным, иногда даже истерическим хохотом.

Я совсем разозлился на публику и на самого себя и сказал:

— Когда я ходил в детский сад, любому из моих ровесников достаточно было показать палец, чтобы вызвать неудержимый хохот. Вы, я вижу, до сих пор из детского возраста не вышли.

Переждав очередную волну хохота, я закончил свою речь такими словами:

— Я хотел рассказать вам очень серьёзные вещи, но вы всё равно не поймёте. Поэтому я заканчиваю. Благодарю за внимание.

Мне часто приходилось выступать и до, и после этого случая. Иногда меня встречали смехом и аплодисментами. Но такого хохота и таких оваций я никогда в жизни не слышал.

После лекции выстроилась длинная очередь желающих получить мой автограф.

Подошла женщина в тёмных очках, видимо, преподаватель:

— Вы выступали очень смешно. Я никогда в жизни так не смеялась. Тем более в последний год с тех пор как похоронила мужа.

Подошёл толстый студент и сказал по-русски:

— Спасибо, вы имеете хорошее чувство юмора.

Его соседка сказала, что готовилась к написанию диссертации о русских юмористах, но теперь изменит тему и напишет только обо мне.

— Мне нравится, что вы очень весёлый человек, — сказала она, и я не стал с ней спорить.

Охранник, единственный человек в зале, который держался сурово, попросил автограф и пообещал:

— Я расскажу о вашей лекции жене. Она будет очень смеяться.

Последним ко мне приблизился профессор Браун. Промокая глаза бумажной салфеткой, он похлопал меня по плечу и сказал.

— Владимир, когда вам надоест писать, вы сможете выступать на эстраде.

Я уезжал домой, огорчённый тем, что серьёзные мысли, столь прилежно мной продуманные, никак не пригодились. Но потом подумал, что такого яркого успеха у меня в жизни никогда ещё не было...

близким: «Завтра я умру»; пришёл домой, лёг и наутро спокойно отошёл, завещав похоронить его на возвышенном месте около рощи и написать на могиле: «Мир ловил меня, но не поймал».

После смерти друга и ученики Сковороды внесли больше полумиллиона рублей на основание университета в Харькове. Он был открыт в 1804 году, через десять лет после смерти мудрого странника.

Один университет дал стране Ломоносов, другой — Сковорода. Университеты учреждались властями, но истоки их — из недр народной жизни, глубины её сердца. Про жизнь человеческую Григорий Саввич писал так: «Блажен тот, кто с колыбели посвятил себя Христу, взял иго благое и бремя лёгкое и привык к нему. Свята такая жизнь. Ни нищета, ни несчастья не будут тяжелы ему; ни огонь, ни меч не разлучит его со Христом. Христос, жизнь моя, умерший за меня! Я должен был посвятить Тебе всю жизнь мою — я посвящаю Тебе остаток дней моих. Уничтожь чёрствость моего сердца, зажги в нём Твой огонь, чтобы во мне умерли страсти и злые желания и чтобы я жил для Тебя, Свет мой!».

Нужен мир на Земле и нужен мир в человеках, в человеческом сердце и сознании. Чистота сердца не есть понятие отвлечённо этическое, но практически жизненное. Чистота есть возможность достижений явлений высшего порядка и легчайший вход в область невидимо сущего. Чистая мысль переносится в сердце и пульсирует: пульсирует атом, пульсирует клетка, пульсируют органы, пульсирует сердце, пульсирует Солнце, пульсирует Космос, ибо сердце во всём. Творчество Сковороды пульсирует этим сердцем в ритме трудов древнегреческих философов, прежде всего своей этической направленностью. Григорий Саввич говорил о себе, что «восхотел быть Сократом на Руси». Известны его крылатые слова: «Без зерна орех ничто же есть, а без сердца — человек». Тяготы мира земного нёс на своих плечах этот гигант мысли. Однажды у него, умудрённого и много испытавшего, вырвались такие слова: «О Отче мой! Трудно вырвать сердце из клейкой стихийности мира!»

А.Ф. Лосев писал: «Это был истинный Сократ на русской почве, и не меньше, чем греческий Сократ, он видел свою жизненную задачу в духовном рождении человека, в посвящении его в философию.

Основная идея философии Сковороды — антропологизм. Познание возможно только через человека. Человек — это микрокосм. Единственная истинная жизнь — человеческое сердце — есть инструмент этого познания».

г. Севастополь

писатель. ru

www.writer.fio.ru